

А. РАНОВИЧ

РЕЛИГИЯ И АТЕИЗМ В «ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА» АН СССР

Во «Всемирной истории» Академии наук большое место занимает история культуры. Литературе, искусству, философии, науке и ее противоположности—религии—отводится ряд глав во всех разделах. Это—совершенно правильно. Величайшие достижения человеческой мысли древности представляют для нас интерес не только исторический: они продолжают жить вполне реально с нами. Произведения древнего искусства продолжают доставлять нам художественное наслаждение. Многие проблемы, занимавшие древних мыслителей, не утратили своей остроты и теперь. «Могла ли устареть за две тысячи лет развития философии борьба идеализма и материализма? Тенденции или линии Платона и Демокрита в философии? Борьба религии и науки?» (Л е н и н—Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 106).

Наша современная наука неразрывно связана с наукой древности. Архимед и Евклид, Гален и Гиппократ, Герон и Аристрах, Витрувий и Эратосфен—в известном смысле наши современники. «Магабарата», «Илиада», Софокл, Еврипид, Алкей, Сафо, Ювенал, Лукреций и многие другие волнуют нас и теперь.

Но наряду с великими, неувядаемыми творениями человеческого гения до нас дошли и продолжают жить также ошибки и пороки прошлого—искаженные представления о природе и обществе, идеалистическая философия, религиозные системы, классово-эксплуататорские этические заповеди и правовые нормы. Облекшись в новую форму, наполнившись новым содержанием, а иной раз и в полной неприкосновенности, эти пережитки далекого прошлого продолжают отравлять сознание людей, мешают трудящимся в их борьбе за победу коммунизма во всем мире.

Задача историка-марксиста—не только дать материалистическое объяснение идеологиям древности, но и вооружить нашего читателя для борьбы против чуждых ему, вредных, идеалистических извращений действительности. «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Этот тезис Маркса (11-й тезис о Фейербахе) постоянно должен иметь в виду учёный-марксист. Наука, в том числе история, партийна. И если классовый интерес буржуазии заставляет ее ученых идеалистически искажать историю, то марксизм-ленинизм дает единственно правильное, подлинно-научное понимание исторических

закономерностей, прививает диалектико-материалистическое мировоззрение, помогающее не только правильно объяснить, но и изменить мир.

Боевая, воинствующая марксистская «Всемирная история» должна уделить серьезное внимание также истории религии и атеизма, воспитать в читателях марксистско-ленинское атеистическое мировоззрение, помочь преодолению пережитков капитализма в сознании трудящихся.

Схема «шеститомника» по истории древнего мира Академии наук содержит немало параграфов, посвященных истории религии.

В этом отношении она выгодно отличается от ряда вышедших у нас в последние годы книг по истории древности. В книге А. И. Тюменева «История античных рабовладельческих обществ» нет ни слова о религии. В «Истории древней Греции» В. С. Сергеева есть полторы страницы, посвященные религии эллинизма, и только.

В схеме «Всемирной истории» материал о религии распределен более или менее равномерно, но схема составлена скупой, содержание отведенных религии параграфов не раскрыто, а история атеизма и вовсе не отражена в схеме.

Между тем, древняя история дает богатый материал, который вооружает для борьбы с религией. «Мы должны бороться с религией. Это—азбука всего материализма и, следовательно, марксизма—писал Ленин.— Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке: марксизм идет дальше. Он говорит: надо у м е т ь бороться с религией, а для этого надо м а т е р и а л и с т и ч е с к и объяснить источник веры и религии у масс» («Об отношении рабочей партии к религии», Соч., т. XIV, стр. 70).

К сожалению, несмотря на это указание Ленина, несмотря на то, что в произведениях основоположников марксизма-ленинизма дано достаточно руководящих положений и конкретных исследований о религии и борьбе с ней, нашими историками, в частности историками религии, сделано до сих пор чрезвычайно мало. Древняя история охватывает множество религий, отражающих различные этапы истории человечества—от зарождения религии в первобытном обществе и политеизма эпохи варварства до христианства, остающегося доныне одной из самых распространенных религий на земле. Но если для истории раннего христианства и иудаизма кое-что сделано у нас, то в отношении прочих религий древности специальных марксистских трудов наши историки не дали; лица, интересующиеся религиями древности, и пропагандисты-антирелигиозники вынуждены обращаться к Шантепи де ля Соссею и другим подобным авторам, идеалистически извращающим историю религии. В истории атеизма опять-таки приходится пользоваться работами Маутнера, Дж. Робертсона и т. п.

Таким образом, перед авторами «шеститомника» стоит серьезная задача: руководствуясь указаниями основоположников марксизма, дать правильную трактовку древних религий. До сих пор в работах по древней истории религия, поскольку она вообще не игнорируется, либо просто описывается, либо, в лучшем случае, ей дают схематическое социологическое объяснение. Но Маркс писал: «Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро причудливых религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно научный метод» («Капитал», т. I, стр. 281, изд. 8-е). О том же писал Энгельс: «Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных образований, прежде чем пытаться вывести из них соответ-

ствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения» (Письмо к Конраду Шмидту 5 августа 1890 г.).

В этом отношении наши историки находятся в благоприятном положении: ведь они как раз и исследуют «условия существования различных общественных образований» и поэтому могут и должны правильно, материалистически объяснить явления идеологические, в частности—показать, что религия—опиум народа, что «идея бога в с е г д а усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи всегда идеей рабства, худшего, безысходного рабства» (Л е н и н—Письмо к Горькому), что религия—порождение бессилия в борьбе с природой, а в классовом обществе—бессилия эксплуатируемых в борьбе с эксплуататорами.

По схеме Института истории трудно, конечно, судить, в какой мере авторы с этой задачей справятся. Необходимо, однако, отметить, что не во всех томах и разделах антирелигиозной пропаганды отведено подобающее место.

Так, в I томе—«История доклассового общества», рассчитанном на 30 печ. листов, мы находим лишь совершенно случайные упоминания о религии. В главе VIII «возникновение религиозных представлений» дается лишь в связи с мустерскими погребениями, религиозный характер которых к тому же вызывает серьезные сомнения. В главе IX упоминаются «магия и тотемизм» в связи с пещерной живописью. В главе XV мы находим одно слово об «идеологии» эпохи неолита и почему-то только в лесной полосе Восточноевропейской части СССР. Наконец, в конце тома отводится 2 печ. листа идеологии «родовой эпохи», мышлению, языку и искусству. Контекст, в котором подаются случайные упоминания о религии, вызывает опасения, что авторы недооценивают важность проблемы происхождения религии для практики антирелигиозной пропаганды и не ставят перед собой задачу показать корни религии—бессилие дикаря в борьбе с природой, «отрицательно-экономическое»—показать реакционную роль религии в доклассовом обществе.

Составители схемы I тома, очевидно, старались держаться строго в рамках истории, избегая прямого использования этнографического материала, хотя в трактовке таких вопросов, как матриархат, экзогамия, магия и т. п., они фактически, конечно, исходят из э т н о г р а ф и ч е с к и х параллелей, без которых привлекаемый археологический материал остается немым. При таком подходе к теме есть опасность скатиться к позитивистскому объяснению или просто о п и с а н и ю первобытных форм религии. Мало того, недостаточное внимание к религии, занимающей огромное место в жизни первобытного общества, может в известной мере затемнить картину движения этого общества, где обратное воздействие идеологии на экономическую основу сказывается довольно сильно. «Низкое экономическое развитие доисторического периода имело в качестве своего дополнения, а порой даже в качестве условия и даже в качестве причины, ложные представления о природе» (Э н г е л ь с—Письмо к Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г.).

Недостаточность разработки вопроса о происхождении религии и ее начальных форм тем более досадна, что в дальнейших томах, занимающихся историей уже классовых обществ, уделяется мало внимания пережиткам дикарских религиозных представлений, бытующим еще и в наше время. Поэтому пробелы в I томе особенно ощутительны. В частности, возникновение политеизма (в родовом обществе) нигде не показано, и переход от

«магии и тотемизма» к религиям классовых обществ останется невыясненным.

В схеме истории древнего Востока религии отведено больше места, чем в схеме I тома, хотя приходится с удивлением отметить, что древнееврейская религия в главе XXV («Израиль и Иуда») вовсе отсутствует; а ведь эта религия в модифицированной форме существует и теперь и поэтому заслуживает особого внимания и разоблачения. Столь же поразительно отсутствие упоминания о религиях Китая, изучение которых совершенно необходимо для освобождения китайского народа от духовного гнета религий. В основном в томе «Древний Восток», судя по схеме, анализируются религии Вавилона и Египта, причем они выводятся, повидимому, «из данных отношений реальной жизни». Необходимо будет, однако, всякий раз отмечать то н о в о е, что характеризует ту или иную религию на определенном этапе исторического развития.

«...Религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии предание является великой консервативной силой. Но изменения, происходящие в этом запасе представлений, определяются классовыми, т. е. экономическими отношениями людей, делающих эти изменения» (Энгельс — Людвиг Фейербах, Соч., т. XIV, стр. 676). Поэтому, например, нельзя говорить прямо о тотемизме в Египте. Тотемизм характерен для начальной стадии развития родового общества. В классовом обществе возможны лишь его пережитки, деформированные и видоизмененные, включенные в новую систему верований и подчиненные ей. Культ животных в Египте в такой же малой степени является тотемизмом, как и современный культ православной иконы св. Христофора с собачьей головой или св. Зосимы в виде пчелиного улья, или agnus dei и святой осел в католической религии. В классовом обществе корни религии, главным образом, социальные; это должно быть отражено в трактовке истории религии. На примере египетской и вавилонской религий историку удобнее всего показать, как «фантастические образы, в которых вначале отражались только таинственные силы природы... приобретают общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил» (Энгельс — Анти-Дюринг, Соч., т. XIV, стр. 322). Вавилонские магические заклинания переплетаются с молитвенными формулами, в которых появляется возникающая в классовом обществе идея греха. Божество растительности — Озирис превращается в бога-спасителя. Вырабатывается новое представление о загробном суде и воздаянии. Классовая структура общества получает божественную санкцию, идея бога все больше связывает угнетенных верой в божественность угнетателей. Конечно, «Всемирная история», в том числе и ее серия «История древнего мира», не может вдаваться в детали — это дело специальных исследований по истории религий. Но на том материале, который может быть включен в «шеститомник», социальные корни и классовая сущность религий должны быть показаны.

В томах, посвященных античным обществам, религии отведено достаточно места, за исключением тома об эллинизме, где религии в главе XXIV, занимающей всего 1½—2 печ. листа, может быть посвящено всего 2—3 страницы. А ведь эллинистические религии представляют исключительный интерес для понимания происхождения монотеизма и, особенно, христианства. Что касается Греции и Рима, то было бы, пожалуй, целесообразнее не дробить изложения по отдельным главам. Ведь идеологии вообще, а тем более такая консервативная, как религия, не поспевают

за изменениями в экономическом базисе, и механическое, искусственное распределение истории религии по главам гражданской истории неизбежно приведет к схематизму и—главное—не даст широкой, яркой и полной картины. Для Греции было бы правильно дать анализ гомеровской религии и религии эпохи расцвета—V в.; для Рима надо показать религию II—I вв. до н. э. и синкретические религии I—II вв. н. э., включая императорский культ; особенно важен последний раздел не только для понимания причин победы христианства, но и—косвенно—для анализа того совершенно нового явления, каким была Римская мировая империя, «сводившая все к одному уровню» и создавшая предпосылки для возникновения новой общественно-экономической формации—феодализма. Поэтому отсутствие всякого упоминания о религии в томе V (за исключением специальной главы о христианстве)—досадный пробел.

В схеме тома по истории Греции вызывает недоумение пункт об «упадке мира олимпийских богов» в VII—VI вв. Здесь, повидимому, какая-то неясность в формулировке. Олимпийцы—Афина, Зевс, Аполлон и др.—не только в VII в., но и в V в. вовсе не пришли в упадок. Они лишь приобрели новые, общественные атрибуты. Гомеровские боги отражают в своих фантастических образах родовой строй, который, применяя слова К. Маркса, покоится «на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественно-родовых связей с другими людьми» («Капитал», т. I, стр. 43). С возникновением классового общества родовые боги частью превращаются в героев, пользующихся почитанием лишь в местных и семейных культах, частью становятся «представителями исторических сил». Культ природы и стихий принимает опять-таки новый вид; боги природы отрываются от природы, становятся над нею, ее распорядителями; вместе с тем они приобретают общественные функции, становятся источниками классовой морали, вершителями судеб человеческого общества, идеологическим утверждением и освящением нового общественного строя. Поэтому нельзя говорить об упадке олимпийских богов в VII—VI вв. Когда старые боги действительно пришли в упадок, их сменило христианство.

Примерно та же мысль об упадке олимпийских богов выражена в III томе «Истории древнего мира» ГАИМК. Здесь религия Греции посвящена отдельная глава (XVIII), написанная проф. Е. Кагаровым. Глава написана беспорядочно. В специальном параграфе описана религия гомеровской эпохи; но какой вид эта религия со всеми олимпийцами приняла в классическую эпоху, об этом ничего не сказано. Статически показаны мистерии VI—V вв., их генезис не объяснен. А для VI—V вв. вместо религии дается «кризис религиозного сознания Греции», причем в это «религиозное сознание» включаются попеременно богословские идеи Эсхила и атеизм. Да и самый термин «религиозное сознание» дан здесь с идеалистическим душком.

В схеме «шеститомника» поражает отсутствие упоминания об атеизме. Даже самое имя наиболее яркого представителя атеизма древности—Эпикура—не упоминается в схеме, хотя в ней нашлось место для элеатов. Надо полагать, что история борьбы религии и атеизма, идеализма и материализма будет дана в соответствующих разделах по истории философии. Но и философские разделы, поскольку они в схеме не раскрыты (особенно в томе по истории Рима), вселяют некоторые опасения насчет характера трактовки философских тем. В большинстве случаев в схеме дается просто перечисление имен: «Эмпедокл. Анаксагор. Старшие софисты» и т. п.,

а в томе по истории Рима в соответствующих разделах три раза упоминается «философия», без дальнейших пояснений. Конечно, во «Всемирной истории» должны быть даны яркие, живые характеристики отдельных философов, а не схематические образы с механически приклеенным к ним социологическим ярлычком. Но главная задача в том, чтобы показать борьбу основных мировоззрений—идеалистического и материалистического, «линии Платона и Демокрита», показать развитие материализма и диалектики в борьбе против поповщины и метафизики. С этой точки зрения представляется неудачной формулировка: «философия Демокрита—завершение натурфилософии». Что Демокрит хронологически завершает натурфилософию,—верно. Но главное то, что он начал новую линию, «линию Демокрита», что он был, по выражению Маркса, «первым энциклопедистом».

Самый выбор тем в разделах философских должен быть тщательно продуман. «Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад»,—писал Ленин («Материализм и эмпириокритицизм», Соч., т. XIII, стр. 292). Историки философии в течение веков тенденциозно выдвигали на первый план идеалистов и всячески замалчивали и искажали материалистов. Эта традиция идет уже от древности. «Болтовня Цицерона и Плутарха» искажила учения и самые образы материалистов и атеистов. Не случайно, что от Платона сохранилось гораздо больше того, что он действительно написал (из 42 его диалогов 15 безусловно подложны), тогда как от Демокрита дошли до нас лишь отрывки, а многие материалисты древности известны нам лишь по имени или по редким случайным упоминаниям. В своем конспекте лекций Гегеля по истории философии Ленин замечает: «Подробно размазывает Гегель «натурфилософию» Платона, архивздорную мистику идей, вроде того, что «сущность чувственных вещей есть треугольник» (265) и т. п. мистический вздор. Это прехарактерно! Мистик-идеалист-спиритуалист Гегель (как и вся казенная, поповски-идеалистическая философия нашего времени) превозносит, жует мистику-идеализм в истории философии, игнорируя и небрежно третируя материализм. Ср. Гегель о Демокрите—ничего!! О Платоне тьма размазни мистической» (XII Ленинский сборник, стр. 231—233).

К сожалению, это пренебрежение к материалистам и преувеличенное почтение к идеалистам перешло из буржуазной традиции и в нашу литературу. В. С. Сергеев в «Истории Греции» пренебрежительно называет эпикурейство «одной из многочисленных разновидностей стоицизма» и отрицает за автором «Каноники» оригинальность «в своих гносеологических воззрениях».

Зато, говоря о Платоне, В. С. Сергеев вежливо отмечает лишь «ахиллесову пятую» его философии—у него, видите ли, «неясное определение материи и природы того идеального мира, бледным отражением которого является реальный мир чувств и рефлексов». Не думает же В. С. Сергеев, что если внести ясность в этот вопрос, объективный идеализм Платона освободится от единственного уязвимого места и станет совершенной философией?

В нашей «Всемирной истории» материалистическая философия должна занять то место, которое принадлежит ей по праву. Не только Демокрит и (непонятным образом пропущенный) Эпикур, но и Диагор, и Феодор, и Филодем, и Диоген из Тарса, и Диоген из Эноанды, и Лукреций, и другие представители античного материализма и атеизма должны быть в марксистской «Всемирной истории» показаны с наивозможной полнотой. Образ Сократа, мужественно отстаивавшего свои философские и политические

взгляды перед лицом смерти, имеет право на соответствующее место в нашем «шеститомнике». Но не меньшее место должны занять гонимые за свои материалистические и атеистические убеждения Протагор, Диагор, Эпикур. Разве костер, на котором сожгли сочинения Протагора, не ярче освещает идейную и политическую борьбу в Афинах, чем цикута Сократа? А кампания лжи и клеветы, которую вели против Эпикура при жизни и после смерти, не заслуживает внимания историков? А «сумасшествие» и самоубийство Лукреция не наводит ли на мысль о клевете и гонениях на этого гениального поэта и философа-материалиста? Конечно, и Парменид, и Платон, и Зенон, и Сенека, и Посидоний, и Плотин должны быть охарактеризованы во «Всемирной истории», но пропорции должны быть взяты правильные, традиции буржуазной истории философии должны быть отставлены раз навсегда.

Очень жаль, что «шеститомник» ограничивается изложением одной лишь античной философии. Между тем, мы имеем известную аналогию наивному материализму милетской школы натурфилософов в индийской Lokāyata; атомистика вайшешика заслуживает внимания в нашей «Всемирной истории». С другой стороны, специального рассмотрения требует буддийское богословие, поскольку существует распространенный предрассудок, будто буддизм—не религиозное учение, основанное на вере в сверхъестественное, а некая философия, чуть ли не материалистическая. Эта вредная точка зрения, в значительной мере мешающая борьбе с буддизмом (ламаизмом), как одной из «мировых» религий, должна быть авторитетным образом разоблачена.

«Всемирная история» Академии наук носит по форме характер научно-популярный, но она должна подытожить научно-исследовательскую работу историков-марксистов. Очевидно, и по вопросам идеологии потребуются ряд предварительных углубленных научно-исследовательских работ. Товарищеское обсуждение их, коллективная помощь авторам в порядке деловой самокритики должны обеспечить высокий научный уровень «Всемирной истории» и вместе с тем большевистскую непримиримость ко всякого рода идеалистическим вывертам, ту непримиримость, которой учат нас Маркс—Энгельс—Ленин—Сталин.

«Краткий курс истории ВКП(б)» обращает внимание марксистской исторической науки на изучение роли идей в общественном развитии, в развитии науки и человеческого познания. Без правильного понимания исторической роли общественных идей и теорий невозможно и правильное понимание марксизма, как нового, революционного учения, возникшего, «как прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма» (Ленин, Соч., т. XVI, стр. 349). Глубокое, правдивое, марксистско-ленинское изучение истории борьбы между материализмом и идеализмом, наукой и религией вооружает для борьбы против идеализма и поповщины, против вражеской фальсификации истории человеческого общества.

